

На соискание Государственной премии Карельской АССР

«Ленинская правда» уже сообщала, что к участию в конкурсе на соискание Государственной премии Карельской АССР допущены, в частности, руководители академического хора студентов Петрозаводского государственного университета им. О. В. Куусинена (художественный руководитель и дирижер, заслуженный деятель искусств Карельской АССР, заслуженный работник культуры РСФСР Георгий Терауянц, хормейстер Ольга Байкова, концертмейстер, заслуженный работник культуры КАСР Лариса Бердино) — за концертные программы хора 1986—1987 гг.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, концертные программы хора этих лет запомнятся надолго. На основе произведений, в них входивших, была составлена программа юбилейного двадцатого отчетного концерта, который состоялся в прошлом году. Событие это из ряда тех, что остаются в памяти. Говорю так с уверенностью потому, что двадцатипятилетие хора «встретил» еще на певческом станке.

Номера из этих концертных программ звучали и под сводами Кремлевского Дворца съездов на заключительном концерте II Всесоюзного фестиваля народного творчества.

В то же время, произведения, составляющие основу программ, о которых идет речь, — русская и зарубежная хоровая классика, обработки народных песен, сочинения советских композиторов — они, так сказать, в контексте деятельности хора вообще. И поэтому вряд ли стоит сводить разговор о хоре и его руководителях к двум-трем десяткам произведений. Хотя вещи это чудесные: хор из кантаты «Иоанн Дамаскин» Танеева, «Леген-

да» Чайковского, VI номер из «Всеношней» Рахманинова, «Херувимская» песнь номер седьмой Бортнянского, «Грусть просторов» и «Как песня родилась» Свиридова, «Незнакомка» Фалика и другие.

Что же такое самодеятельность? Для чего она? Для того, чтобы занимать свободное время молодежи или же для того, чтобы рождать произве-

дательность, особый, философский взгляд на вещи. Иначе не выдержать, ведь, посвятив себя именно студенческому хоровому пению, Тер (именно так его называют в хоре за глаза, хотя он, конечно же, знает об этом) обрек себя на кошмарное существование. Представьте себе руководителя, работающего в коллективе с постоянной текучестью «кадров» с периодичностью

очень гипотетично, ведь никто всерьез не может сказать, из чего складывается подлинное искусство.

Хорошо, скажете вы, а всегда ли ему удавалось сохранять чистоту найденного тона? Нет, не всегда. Бывали в жизни хора такие моменты, когда Терауянцу начинало казаться, что он окружен подлинными единомышленниками, такими же, как сам он, страстны-

ского музыкального училища имени К. Раутио (кстати, сам по себе факт, что директор учебного заведения, концертирующий музыкант ухитряется еще где-то отыскивать время, чтобы работать в хоре, свидетельствует о настоящем самопожертвовании), я скажу словами Терауянца: «Это прекрасный блестящий пианист, аналитический советчик, оптимистический член коллектива, это обаятельная женщина!» Когда за роялем Бердино, говорил мне дирижер, он спокоен. Благодаря высочайшему профессионализму Ларисы Георгиевны хор может брать произведения любой сложности.

Об Ольге Ивановне Байковой Терауянц отзывается тоже очень тепло. Человек выполняет тяжелую, повседневную черновую работу. Причем делает это так, чтобы все время сохранялся контекст, задуманный художественным руководителем. Но самое главное — она единомышленник, человек, на поддержку которого всегда можно рассчитывать.

Вот, пожалуй, все, что касается верно найденного тона. А что там за девятый голос, спросите вы. Тут все очень просто. Однажды хор пел довольно сложное восьмиголосное произведение. Дело было в Ленинграде, а среди зрителей, как оказалось, был народный артист СССР, известный актер Владислав Стрелешкин.

Когда музыка смолкла и зазвучали аплодисменты, расстроженный актер поднялся на сцену. Он благодарил не за безупречное восьмиголосие, а за девятый голос. Что он имел в виду? Вдохновение, молодость, чувство? С уверенностью сказать не могу. Уверен в другом — этот необычный голос руководителям хора удалось сохранить, пронести через годы и вдохнуть в «концертные программы хора 1986—1987 гг.»

А. ЖУКОВ

О верном тоне и девятом голосе

дения высокого искусства? Второй вопрос: для кого она, кто может заниматься в самодеятельном художественном коллективе? Только одаренные, талантливые, избранные или все, кто хочет, скажем, петь?

Терауянц считает — все (разумеется, имеющие слух, уж тут против природы не пойдешь, это понятно). Но как же сочетать этих «всех» с рождением истинно высоких произведений? Тут-то и выступает на сцену этот самый верно найденный тон.

Чистота, верность тона — основа основ музицирования. Да и кредо Терауянца — работа прежде всего над вокальным искусством, то есть над умением ощущать чистоту тона. Однако ничуть не меньшее значение он придает нахождению правильного тона во взаимоотношениях со всем коллективом и с каждым его участником в отдельности.

Кроме того, и в отношении к собственному делу должна быть найдена подходящая то-

примерно года в три? Не можете представить? А Терауянца, я думаю, многие хорошо себе представляют. Так вот он — этот самый руководитель, для которого постоянная смена состава (люди ведь заканчивают вуз и разъезжаются по распределению) — одно из условий работы.

Так как же в таких условиях добиться, чтобы хор стал тем, что он из себя представляет сейчас?

Секрет заключается в том, что, оставаясь до мозга костей музыкантом, причем музыкантом — профессионалом, Терауянц видит себя прежде всего воспитателем и учителем, стремящимся не столько отретитировать с хором, скажем, один из циклов Свиридова, но воспитать у людей особое мировоззрение, такое, которое не могло бы состояться без музыки Свиридова. В этом случае музыка становится лишь инструментом воздействия на души сподвижников Терауянца. И если найден верный тон... Впрочем, все это

ми фанатиками большой серьезной музыки, что, наконец, в хоре прекрасно работает самоуправление, и он может отрешиться от «околомузыкальной» работы и заняться, наконец, только музыкой. И он отрешался, а затем происходило отчуждение между ним и его воспитанниками, непонятное, страшное, от которого больше всего страдал сам Терауянц. Такое бывало. Но скажите, у кого повернется язык в чем-то обвинять музыканта только за то, что он слишком погрузился в свою родную стихию и не успел вовремя бросить взор вокруг. Тем более, повторяю, расплачивался только он сам.

А испив эту горькую чашу, он резко вскидывал голову, срывал с шеи галстук, шелкавший при этом как шамберьер, брякал об стол тяжеленными часами и вскидывал руки. И затем, пусть через то или иное время, но гармония торжествовала!

О Ларисе Георгиевне Бердино, директоре Петрозавод-